

Геннадий ФИШ

ТРИ КИТА

Огромная зеленая пивная бутылка высотой этажа в четыре стоит вблизи от того дома в Копенгагене, где я жил. Она служила мне опознавательным знаком, по которому я ориентировался, возвращаясь домой. Справа от этой бутылки, способной удовлетворить жажду самого Гаргантюа, устремились вверх заводские корпуса, многоэтажные цилиндрические башни «пивоохранилища» и новое здание управления пивного завода «Тюборг» с подсвечиваемым по вечерам бассейном перед ним. У завода — большая собственная гавань. Здесь сгружают уголь, ячмень. Отсюда уходят в дальние края теплоходы, в трюмах которых булькает пиво, заключенное в бочки, в бутылки, цистерны. Власть «Джона Ячменного зерна» тут не только над душами, но и над экономической огромна. Пиво для датчан не только любимый напиток, но и валюта. В прошлом году в Англию, Австралию, Индию, Швецию и Южную Америку было продано около девяноста миллионов литров пива заводов Тюборга и Карлсберга. Впрочем, сейчас и в порту Тюборга, и на пивных заводах было безлюдно. Пивовары всей Дании бастовали.

В точно назначенное время к тротуару у «Тюборга» на машине лихо подкатил мой датский приятель — журналист. По делам он собирался на день-другой в Орхус — второй город Дании — и пригласил нас разделить компанию. Бросив быстрый взгляд на четырехэтажную бутылку «Тюборг», он сказал:

— Вот тебе иллюстрация к тому, что я говорил вчера об идущей здесь концентрации производства. В прошлый свой приезд ты, если хотел, мог бы заказать пиво «Стерн», а теперь — дудки! Завод этот прогорел, раздавлен монополистами «Карлсбергом» и «Тюборгом».

Конечно, только искусный дегустатор может уловить разницу во вкусе между пивом разных фирм, но все здесь утверждают, и нет дыма без огня, — смеясь, рассказывал мой друг уже в пути, — что определенные слои тяготеют к определенным маркам пива. Кооператоры — а их здесь немало — и люди левых взглядов, сторонники национализации, употребляли главным образом пиво завода «Стерн» («Звезда»), потому что он принадлежал кооперации. Теперь же им приходится налегать вместе с социал-демократами на пиво старейшей, основанной сто двадцать лет назад фирмы «Карлсберг». Консерваторы же по-прежнему дуют «Тюборг». Люди аполитичные пьют то и другое, без разбора. Интеллигенты же, говорят, предпочитают пить пиво «Карлсберг», потому что он из своих прибылей отчисляет большие суммы в фонд поддержки науки и искусства. За счет этого фонда содержится

не один институт, многие молодые ученые получают стипендии на самостоятельную работу. Знаменитая бронзовая Русалочка, которая вышла из сказки Андерсена, чтобы грустить на прибрежных камнях на взморье, и стала, размноженная в фарфоре, фотографиях и на тарелочках и прочих сувенирах, чуть ли не эмблемой Копенгагена, тоже дар пивовара — владельца «Карлсберга», преподнесенный городу пятьдесят два года назад. Копенгагенская «Глиптотека» — знаменитый музей изобразительных искусств — создана на отчисления из прибылей завода «Карлсберг», принадлежащего династии Якобсена, этого датского Третьякова.

Впрочем, есть из чего отчислять — с каждой семьи пивовары собирают здесь обильную дань.

— Наша культурная жизнь покоится на двух китах — пивоварении и сыроварении, — сказал мне кто-то из моих здешних друзей. — Лучшее в стране издательство «Гюльдендаль» принадлежит капиталисту сыровару. Музей современной живописи и скульптуры «Луизиана» — его же собственность.

— Да, он прав, — подтвердил Ханс Шерфиг и рассказал, что в ранней юности он публиковал рассказы в журнальчике, издаваемом одним сыроваром. — Я мог писать о любви, смерти, ангелах, дьяволах, о чем угодно. Он ни в чем не ограничивал моей свободы. Платил хорошо. Было только одно условие: в каждом рассказе в той или иной форме, в той или другой ситуации я должен был упомянуть о сыре его фирмы. То ли герой за ленчем поглощал его. То ли разочарованная в жизни героиня, перед тем как покончить жизнь самоубийством, оставалась перед витриной, в которой сияли эти сыры. Одна-две строчки — не больше.

Что ж, богачу льстит слава мецената. И потом: деньги, затраченные на поощрение наук и искусства, списываются из прибылей и при прогрессивном подоходном налоге значительно уменьшают ставку налога. К тому же такие дары обществу — непрерывно действующая реклама фирме.

...Приятель мой торопился. Надо было не опоздать на паром, уходящий из Зеландии в Ютландию.

В Хуннестеде паром, этот современный Левиафан, вообрал в свое ненасытное чрево вместе с несколькими сотнями других автомобилей нашу машину и пошел по сероватым водам Большого Бельта к Грено.

Солнце закрыли облака. Подморозило, и мы, покинув палубу, спустились по трапу в буфет. Батареи бутылок «Карлсберга» и «Тюборга» на стойке вернули нашу беседу в исходное положение. Здесь стояли бутылки «Тюборга», сорта «Гамлет» и «Офелия»... На дру-

гих были наклейки с разного рода сведениями, вроде: «Датчане стали употреблять вилки в шестнадцатом веке» или «Город Фредеричия назван так в честь короля Фредерика» такого-то и т. д. Настоящая пивная энциклопедия... Чем больше пьешь, тем больше эрудиция!

Может быть, это придумано в противовес «Карлсбергу», на бутылках которого издавна указывалось, что завод этот — поставщик датского королевского двора и королевского двора Швеции. Недавно прибавилась строка и о греческом королевском дворе. Так отразилось на здешнем пивоварении замужество датской принцессы.

— Ты замечаешь, что за восемь лет, прошедших с твоего первого приезда, пиво вздорожало раза в полтора? — сказал мой спутник. — Подсчитай, сколько выиграли предприниматели. Условия задачи простые. В прошлом году датчане, не смотри, что их мало, выдули триста сорок два миллиона литров пива! Впрочем, не только пиво, почти все за это время подорожало у нас раза в полтора!

Да, я заметил это в первый же день. В трамвае. Раньше билет стоил шесть-

десят пять эре, нынче за него пришлось отдать одну крону. Правда, если платишь сразу пять крон, то получаешь вдобавок к билету пять выпущенных муниципалитетом монет — жетончиков с изображением Русалочки. Каждый из них дает право на один проезд. Так Русалочка хоть немножко снижает копенгагенцам цену непомерно дорогих поездок в трамвае...

Да, вздорожало все. В прежний мой приезд я был свидетелем того, как фермерам удалось повысить цены на молоко на несколько эре. Они объявили забастовку. Все надоенное молоко (не доить нельзя, корова заболевает) спустили в канализацию. В результате такой «забастовки» фермерам удалось на несколько эре повысить цену молока. Горожанам от этого лучше не стало. Наоборот, им то и дело приходится бастовать, чтобы подтягивать заработную плату к росту цен. Этим была продиктована и забастовка рабочих всех пивоваренных предприятий.

...От Грено до Орхуса по дороге, чистой, прибранной, такой, какой обычно дороги видятся лишь с самолетов, на машине езды полтора часа.

И вот уже раскрываются перед нами предместья Орхуса.

Университет. Ратуша, а перед ней на каменном пьедестале разлеглась большая свинья белой датской породы. Окруженная поросятами, она блаженствует в прохладе бьющих из десятка отверстий струй.

Этот монумент фонтан воздвигнут в честь свиноматки — одного из «китов», на которых зиждется датская экономика.

Буржуа-меценат, заказавший художнику эту скульптуру и подаривший ее городу, не стеснялся истоков своего богатства.

«СНЕГУРОЧКА» В ОРХУСЕ

Городской театр. На высоком потолке многоярусного зрительного зала, широко раскрыв крылья, выгибают длинные шеи, летят хороводом вокруг люстры белые лебеди. Проектор освещает этих летящих под куполом лебедей. Затем гаснет свет в зале — и луч прожектора уже направлен на сцену; начинается спектакль «Маленькая снежная принцесса» — так звучит в переводе на датский «Снегурочка».

Успех «Маленькой снежной принцессы», поставленной здесь советским режиссером Сергеем Майоровым, был настолько велик, что несколько тысяч заявок на билеты так и остались неудовлетворенными, и в следующем году спектакль

был возобновлен, что по здешним обычаям бывает чрезвычайно редко.

«Благодаря этому спектаклю второй университетский город соседней с нами страны превратился в большой столичный город, — писал корреспондент западногерманской газеты во Фленсбурге. — Постановка является показателем режиссерского искусства мирового значения. Русская старина искусно переплетена с чувством скандинавской природы...»

— Вот эта актриса, Улла-Бритта-Борксанд, играла Снегурочку, — шепчет мне Майоров, показывая на изящную молодую женщину, снимающую с руки браслет, — Нину Арбенину.

Мы на репетиции лермонтовского спектакля. Орхусский театр второй русской пьесой для своего репертуара избрал «Маскарад», несмотря на то, что по своей проблематике пьеса эта весьма далека от того, что принято называть датским «менталитетом».

После репетиции известный искусствовед и критик Аллан Фредериче рассказал нам, что Орхусский театр ставит не только драматические спектакли, но и оперетты. Тридцать пять актеров этого театра, пятеро из которых певцы, вынуждены работать неустанно, чтобы театр мог давать до двенадцати премьер в год.

Здание театра построено в 1900 году, но настоящим художественным организмом театр стал лет пятнадцать назад, когда из частных рук перешел в собственность муниципалитета, который тратит немалые средства, чтобы город был не только вторым университетским, но и вторым театральным центром страны. А то, что городу также принадлежит большой симфонический оркестр, дает театру немалые преимущества. По договору с этим оркестром театр вправе использовать его силы в своих постановках 125 раз в году.

— Приглашение советского режиссера было большим событием для нашего театра, — говорит Фредериче. — Приобщение к методам русского советского театра благотворно.

Продолжение беседы откладывается на вечер, потому что я хочу посмотреть репетицию «Скандинавского балета», а она сейчас начинается на той же сцене, где полчаса назад закончилась репетиция «Маскарада».

«Скандинавский балет» — это самая большая частная антреприза в Скандинавии, возникшая пять лет назад. Гастролирующий по всем странам Скандинавии, он базируется в Орхусе, вероятно, потому, что руководительница его — prima-балерина Стокгольмского, а затем и Копенгагенского королевского театра баронесса Эльза-Марианна фон Розен — жена Аллана Фредериче...

— О, ваш балет, — говорит Фредериче, — самый лучший в мире! Но почему это почти всегда сказки с феями и принцессами? Мы же хотим приблизить балет к запросам современного человека, к мышлению нашей эпохи!..

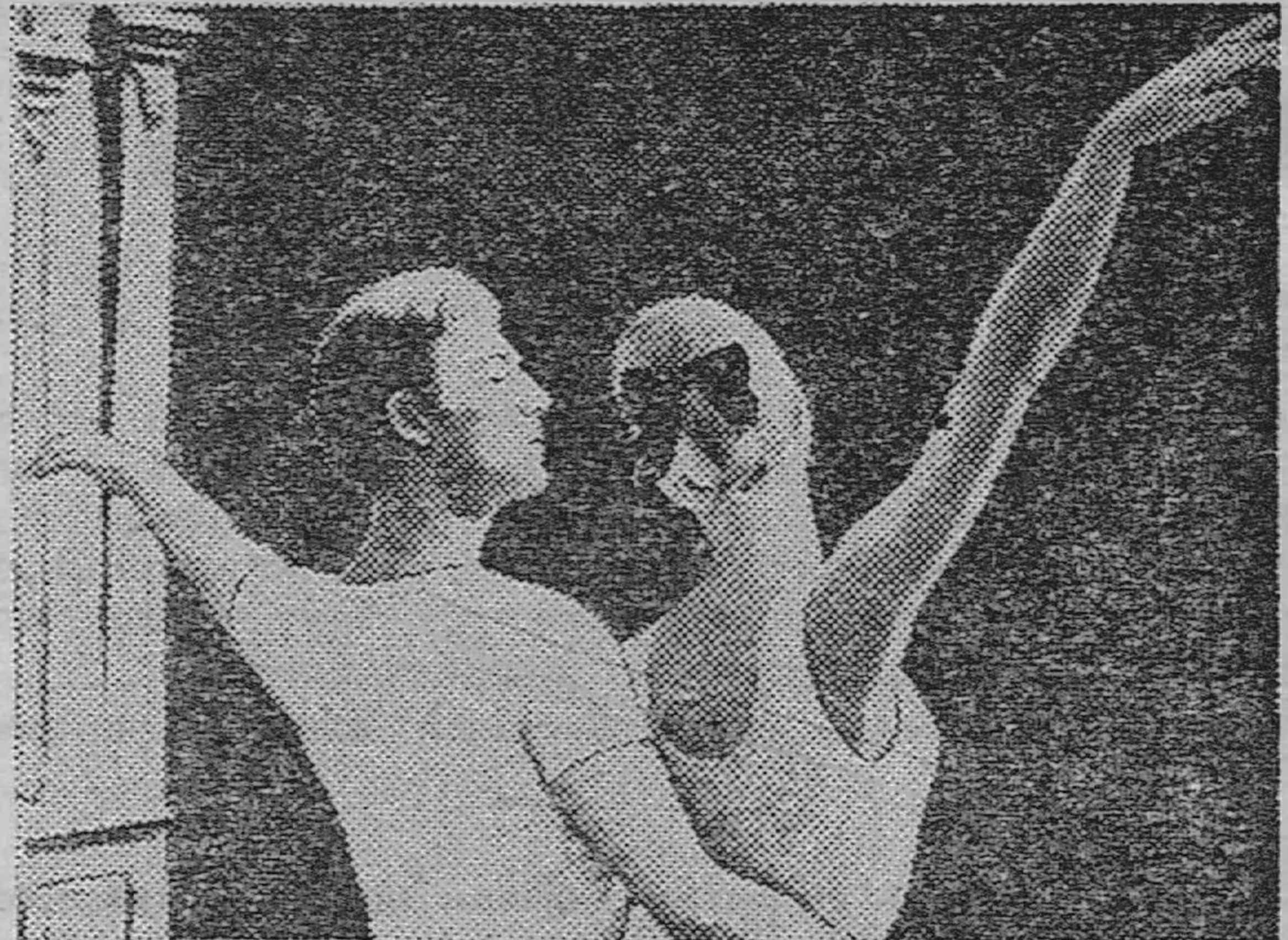
Я сказал Аллану, что он не прав: у нас есть и такие балеты, как «Пламя Парижа», «Красный мак», «Спартак», и совсем недавно в Ленинграде я видел уже вовсе современный балет Шостаковича «Барышня и хулиган» по либретто Маяковского.

— Ну, а мы решили поставить балет «Женни фон Вестфален» — о жене Маркса. Начинается он сценой, когда молодой Маркс приходит во враждебную ему семью прусских бюрократов фон Вестфален просить руки Женни.

— Танцует баронесса фон Розен? — улыбнулся я.

— Да, но ведь и Женни была из семьи аристократической, — серьезно отвечает Эльза-Марианна.

— Партию Маркса в этом балете исполняет Милорад Мицкович. У него

Репетиция одной из сцен балета «Женни фон Вестфален».